

механизмов, о которых говорилось выше. Здесь важно отметить, что это неконструктивное использование механизмов защиты обуславливается отсутствием понимания у индивида, когда и в каких пределах уместно использовать тот или иной механизм и отсутствие чувства ответственности за сделанный выбор в пользу определенных механизмов защиты.

Ясно, что понимание культуры (умения) прохождения конфликта с последующим личностным ростом формируется в рамках первичной группы и развивается в течение всей жизни. Образ конструктивного решения конфликта, при котором учтены интересы всех сторон, сохранено уважительное отношение ко всем участникам конфликта, создаст благоприятные условия для последующих конструктивных отношений со сверстниками и внутри вторичных групп, что будет способствовать развитию личности.

Примечания

1. *Patterson G.R., Reid J.B., Dishion T.J. Antisocial Boys. A Social Interactional Approach, Castalia Publishing Company, 1992.*
2. *Анциупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология. – СПб.: Питер, 2007, 288с.*
3. *Кули Чарльз Хортон. Социальная организация//Тексты по истории социологии XIX-XX вв. Хрестоматия. – М., 1994.*
4. *Орлова Э. А. Социокультурное пространство обыденной жизни. – М.: ГАСК, 2002, 104 с.*
5. *Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. — М., 1988.*

О. В. Павлович
УрГУ им. А. М. Горького

КАТЕГОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА МАНИПУЛЯЦИИ

Один из вечных философских вопросов – что движет человеком в его практическом и духовном развитии – актуализирует необходимость определения места и роли манипуляции в современных процессах антропосоциогенеза.

Поскольку манипуляция является формой социального взаимодействия, её анализ логично начать с анализа деятельности,

которая, будучи движущей силой индивидуальной и общественной жизни, определяет не только характер отношений, но и многие другие параметры общественного бытия. Как отмечала Х. Арендт, основным условием деятельности является сама жизнь [1. С. 16], которая оказывается зависимой в своем воспроизводстве от процесса деятельности. То есть деятельность предстает как основная характеристика и модус человеческой жизни, в том числе выступая фундаментальной базой возникновения манипулятивных форм общественных отношений.

Вместе с тем очевидная объективность такого взгляда подвергается сомнению рядом исследователей, которые обвиняют деятельностный подход в антропоцентризме. Представители другого «лагеря», постмодернисты, оставаясь не столь категоричными, считают, что, будучи фундаментом манипулятивных форм общественных отношений, деятельность приобретает произвольный характер, её нормы становятся условными, а результаты не могут контролироваться. В этом случае понимание субъекта деятельности как носителя определённых ценностей, понятий о правах и ответственности теряет смысл: личность, реагируя на систему коммуникации, в которую оказалась втянутой, не может рассматриваться как инициатор своих поступков. В. А. Лекторский, оппонируя этой точке зрения, указывает, что «мыслимы культуры и формы деятельности, при которых индивид может участвовать как агент в коллективной деятельности и не обладать Я» [3].

Ю. В. Громыко считает, что деятельностный подход позволяет ставить вопрос проблематизации представлений об индивиде, субъекте, личности, индивидуальности, семье, мыследеятельности и т.д., вследствие чего по-новому, с учётом манипулятивной практики, решается вопрос формирования коммуникаций в сфере общественных отношений, а также проблема взаимосвязи человека и социального института [2. С. 54].

Категория деятельности «работает» как ключевой фактор генезиса или изменения социальных форм бытия в большинстве социально-философских школ. Базисный характер деятельности по отношению к социальным формам бытия признавался еще в античной философии, где через деятельность определялся способ бытия человека в мире. Немецкая классическая философия актуализирует проблему деятельности, представив ее как природную характеристику созидającego мир Духа. Развитие деятельностного

подхода в современной философии обусловлено его деидеологизацией и отказом от навешивания термина «деятельность» на разнообразные феномены. Для нынешней науки важны не столько интеграция существующих деятельностных представлений, сколько понимание феноменов (в частности, сферы сознания), выявленных в недейлельностных и антидейлельностных представлениях, таких, например, как феноменология, аналитическая философия и т.п. [3]. В этой связи исходная модель деятельностной теории включает в себя феномен массовой коммуникации, которая определяется в ней как вид духовно-практической деятельности, транслирующей в сферу практического сознания ценности специализированного сознания в форме оценок различных социальных групп.

Характеристика человеческой деятельности включает в себя множество аспектов, первичным из которых является практика, развивающая человека из природного состояния, формирующая его как индивидуальность и общественное существо. Практика, а конкретно, труд, является главным фактором антропосоциогенеза человека.

Характер складывающихся общественных и межличностных отношений зависит от содержания производства и формирования новых потребностей. Как следствие практики возникает разделение труда, которое поначалу предстает естественным (половое, возрастное и т.п.), а потом и общественным (с момента, когда происходит разделение материального и духовного труда). Именно на этом этапе развития происходит отделение управления трудом от собственно труда и физического труда от умственного. Глобальным результатом этого становится противоречие, в которое вступают производительные силы, производственные отношения и общественное сознание. Речь идёт о возникновении вырабатывающегося в результате практической деятельности антагонизма между частным интересом отдельных индивидов и общественными интересами. Результатом развития таких противоречий в совокупности с распределением труда и его продуктов является отчуждение.

Еще одним важнейшим элементом деятельностного процесса является культурная среда. Будучи результатом как субъектно-субъектной, так и объектно-субъектной практики, она аккумулирует в себе символические формы, знаковые системы и языковые структуры как инструменты трансляции и закрепления человеческого опыта.

Оставаясь неотъемлемой частью человеческой жизни, эти элементы используются для организации коммуникаций, в том числе, при должных условиях, и манипулятивных.

Итак, являясь общественной, практика включает человека в социум, определяет его ролевые характеристики, формирует его как коллективный продукт. Особенность данного процесса заключается в том, что личностное отталкивается от коллективного и индивидуальный интерес изначально неотличим от группового. При этом дифференцирование коллектива, происходящее в результате развития производительных сил и разделения труда, дробление его на отдельные сегменты, создает условия для репрессирования личности или отдельных групп. В этом-то и заключается предпосылка к последующему возникновению неравноправных общественных отношений, и, как следствие, потребность в различного рода манипуляциях, играющих роль инструмента, выстраивающего эти отношения. Расчленение первичного человеческого единства не только усиливает многообразие форм деятельности и отношений, но и создает между ними противоречия, которые лежат в основе любого конфронтационного социального взаимодействия, в том числе и манипулятивного.

Деятельность как осмысленное течение всегда включает в себя цель, средства, процесс и результат. Исходя из того, что эти компоненты модифицируются в зависимости от роста производительных сил и изменения производственных отношений, совокупность их изменений определяется понятием отчуждения. Используемый как историческая и социальная категория, данный феномен обозначает деятельность в независимом от человека виде, формирующую не только те человеческие структуры, которые задействованы в манипуляции, но и социальные условия, способствующие активизации этих структур в манипулятивном ключе.

Процесс деятельности, безусловно, искусственен (*techne*). И если бы его результаты были непредсказуемы, то по своей сущности он оказался бы лишённым смысла. Потребность проектирования является одним из компонентов внутреннего содержания человеческой природы, вследствие чего она формирует все структуры и условия, в которых осуществляется феномен манипуляции.

Таким образом, логично полагать, что:

во-первых, элементами реализации манипуляции являются дифференциация потребностей, а также развитие отношений, связанных с производством и разделением труда. Фактически в процессе труда во всей своей сложности оформляется социальная структура общества, а манипулятивные практики становятся одним из элементов механизма её усложнения. При этом ключевой категорией возникновения такой практики является отчуждение, возникающее в процессе деятельности;

во-вторых, неперенным условием всякой деятельности, как и вообще любых форм социальных отношений, является возникновение свойственных человеку сознания и элементов психики. Отчуждение человека от человека, деструктирующее субъектно-субъектные отношения, интерпретирующиеся как объектно-субъектные, становится основной предпосылкой генезиса собственно манипулятивных действий.

Примечания

1. *Арендт Х.* Vita activa или о деятельной жизни. СПб., 2000.
2. *Громыко Ю.* Деятельностный подход: новые линии исследований // Вопросы философии № 2, 2001.
3. *Лекторский В.* Деятельностный подход: смерть или возрождение? URL:<http://www.situation.ru>.

Д. В. Пивоваров
д. ф. н., профессор
УрГУ им. А. М. Горького

СЦИЕНТИЗМ: КУЛЬТ «ИЗБРАННОГО УЧСЕНОГО»

Сциентизм – 1) культ науки; 2) поклонение ее экспериментальным и математическим методам; 3) абсолютизация роли ученых и научных экспертов в обществе, а также культ избранных ученых-гениев; 4) вера в то, что все имеющие смысл проблемы научно разрешимы. Этот культ складывается в Западной Европе с XVI в., достигает апогея в промежутке между серединой XIX в. и серединой XX в. (в особенности в эпоху научно-технической революции) и начинает развенчиваться и слабеть к концу XX в. под натиском реалий жизни и в противоборстве с асциентами. Сциентизм